

ОБЩИНСКИЙ ВЕСТНИК

НИСАН - ИЯР 5775

ПЕТРОЗАВОДСК
N 201

АПРЕЛЬ 2015

ПОЧЕМУ ИМЕННО «ПЕСАХ»?

Агун Штейнзальц

И Тора, и еврейский народ дают много различных названий празднику Исхода. Песах, Праздник весны, Праздник мацот, Время нашего Освобождения - Песах - самое известное и наиболее часто применяемое из них. Пожалуй, это название и самое удивительное, хотя в Пятикнижии недвусмысленно объяснено его значение, напоминающее нам о том, что Б-г «миновал (ивр. „пасах“) дома сынов Израиля в Египте, когда Он поразил египтян, а наши дома спас» (Шмот, 12:26, 27). Весть на первый взгляд оно относится лишь к определенному историческому событию, происшедшему в конкретном географическом регионе и, стало быть, не имеющему столь универсальной и непреходящей ценности. Порой кажется, будто со временем подлинный смысл этого названия (с экзистенциальной точки зрения) был нами утрачен.

Вопрос о названии, конечно, вторичен по отношению к вопросу о смысле. Смысл праздника непременно - явно или тайно - связан с его названием. Вот тут-то и возникает главная проблема: в чем действительно состоит смысл праздника, каково его значение для всех последующих поколений? Ведь разница между событием - пусть даже выдающимся историческим событием - и отмечаемым ежегодно праздником коренится именно в этом! Событие важно лишь в определенный момент времени, а именно - тогда, когда оно происходит. Будет ли оно столь же значимым для всех последующих поколений? Это напрямую зависит от того, какое влияние оно оказывает на потомков. С праздником дело обстоит иначе, он тем и важен, что его смысл и значение не теряют актуальности, а возрождаются каждый раз, когда его отмечают, даже по прошествии многих лет, и если потом оказывается, что последствия связанных с ним событий отличаются от того, чего мы могли бы ожидать в момент их свершения. Это объясняет, почему столько дат и юбилеев, учрежденных официальными или правительственными органами, так и не стали праздниками. Однажды происшедшее событие стирается из памяти, а «красный день календаря», установленный в качестве памятной даты, в лучшем случае может стать выходным днем, сопровождающимся всенародным гулянием, но не праздником в полном смысле слова. Официально запланированное торжество, озаглавленное каким-то некогда случившимся радостным событием, связано с внешними организационными приготовлениями; праздник же должен вызывать у нас подлинное переживание.

Праздник Исхода из Египта весьма многогранен. Отнюдь не потому, что можно по-разному интерпретировать различные его элементы. Дело скорее в том, что самих этих элементов великое множество. Однако наиболее глубокий смысл этого праздника связан с основным его названием - Песах. Во время завершающей казни, поражения первенцев, Всевышний «миновал дома сынов Израиля в Египте»; это событие, ставшее апогеем и логическим завершением египетских казней, особо подчеркивает их направленность. Ведь помимо заключенного в нем чуда, это событие отражает еще один аспект - отличие между Израилем и Египтом. В исторической перспективе именно этот тезис получил свое развитие и стал фундаментальным - обособление народа Израиля от всего остального мира.

Исход из Египта - это не только обретение свободы, но и рождение народа Израиля. Однако в той же мере Исход положил начало и некоему качественному изменению. Именно тогда еврейский народ обрел не только свои наиболее характерные черты, но и доминирующий признак, определяемый Торой так: «...народ этот отдельно живет и между народами не числится» (Бемидбар, 23:9).

Первые идеологи антисемитизма (вспомните, к примеру, античного Апиона) по-своему определили этот феномен, связав его с чувством вражды и нетерпимости, которое евреи вызывают у всех других народов. Их преемники до сих пор придерживаются подобной интерпретации, совершенно искажая внутренний смысл самого явления. Не случайно они рассматривают Исход как событие, положившее начало вечной изоляции Израиля, навсегда придавшее ему статус «народа-отщепенца».

Безусловно, исключительность - доминирующий признак народа Израиля - не вызывает ненависти у всех без исключения не евреев, но несомненно то, что она лежит в основе отчуждения и предвзятости, последствия которых еврейский народ испытывает на протяжении всей своей истории. Это относится как к диаспоре, так и к той части еврейского народа, что живет на своей земле, в своей стране, в своем государстве. Сам факт, что еще во времена Второго храма античные мыслители с осуждением писали о еврейской обособленности, очевидно доказывает: эта черта - отнюдь не характерный для современной диаспоры «механизм защиты», а наиболее значимый компонент духовного облика евреев.

Во всем мире, в каждом народе и языке есть разница между «мы» и «они». Но когда речь идет о евреях, это заметно гораздо больше.

С самых давних пор Израиль рассматривает себя не только как отдельную культурно-историческую общность, но и как особый народ, принципиально отличающийся от всех других. Это представление об избранно-

сти уникально прежде всего тем, что оно не имеет ничего общего с «чувством национального превосходства». Даже когда евреи, в силу определенных комплексов, теми или иными способами пытаются микрокривать, подражая окружающим их народам (возможно, эта отрицательная сторона избранности - своего рода ответная реакция на чувство тотального отчуждения), то и тогда и они сами, и их окружение осознают эту уникальность и исключительность. Именно сознание этого заставляет некоторых выходцев из нашего народа столь активно протестовать против своей «инаковости» и вновь и вновь доказывать свою преданность и лояльность иным народам и культурам. Иногда это чувство сопровождается возгласами бессилия или негодования: «Почему все должно быть так?! Почему мы должны быть другими и отличаться от всех?!» Однако чем бы это чувство ни сопровождалось - гордостью или смирением, торжеством или обидой, - оно остается неизменным. Иными словами, постоянное ощущение собственной «непохожести» проявляется не только в обособленном существовании еврейского народа, это - интегральная часть его сознания.

Искреннее неприятие своей обособленности, которое - по свидетельству пророка Йехезкеля - является непрерывно действующей силой в народе Израиля («...Будем, как [другие] народы, как племена [других] стран...») [Йехезкель, 20:32], - это отнюдь не всегда антирелигиозный мятеж, да и не бунт против заповедей Торы. Желание быть «такими, как все» легко уживается с ортодоксальным иудаизмом: заповедь назначить царя (не только во времена пророка Шмуэля, но и в контексте Пятикнижия) связана с естественным стремлением найти такую модель правления, которая была бы наиболее адекватна общепризнанному формату власти. Неоднократные попытки многих наших соплеменников ассимилироваться свидетельствуют прежде всего о желании избавиться от этого ощущения обособленности. «Немцев» или «французов Моисеева вероисповедания» можно было уличить именно в этом. Даже не стремясь к сознательному разрыву с иудаизмом, они тем не менее пытались настолько «реформировать» (или, скорее, деформировать) его, чтобы по форме он не отличался от других религий, изгнать присущие ему «чуждость» и «странность», сгладить острые углы, втиснуть его в привычные их окружению рамки, дабы вера их отцов максимально соответствовала представлениям о религии, сложившимся у коренного населения. При этом не столь важно, какая именно идеология или религия доминировала.

Стремление многих евреев на протяжении последних столетий слиться с европейской культурой основано на идее формирования «новых ценностей» и на попытке найти новые модели самовыражения, чтобы их очевидное для всех отчуждение и обособленность проследивались не так отчетливо.

То, что все эти попытки неизбежно заканчиваются либо отчуждением и обособленностью от - иудаизма, либо полной моральной деградацией и отступничеством, свидетельствует о несостоятельности подобного подхода. Для сохранения еврейства жизненно важны не только его отличительные внутренние качества, но и абсолютная уникальность форм, в которых они воплощены. По той же причине разобщение между народом Израиля и остальным человечеством - вовсе не обязательно проявляющееся в обоюдной вражде - неизбежно и, увы, необходимо. Евреи не могут походить на другие народы и при этом оставаться самими собой. Причем в этом контексте не столь важно, чего они хотят: соблюдать или нарушать заповеди. Ибо в любом случае - даже когда они пытаются сбросить с себя иго царства Небес - самым парадоксальным образом осуществляется древнее речение: «...Во всех путях твоих познавай Его -» (Михей, 3:6) - даже в час отступничества!

Название праздника Песах напоминает нам о казни египетских первенцев, однако далеко выходит за рамки этого конкретного исторического эпизода. Б-г «миновал» евреев и поразил египтян: с этого момента разобщение Израиля с другими народами и противостояние им становится лейтмотивом мировой истории. То, что считается правильной и приемлемой для неевреев, не прощается евреям; важное и желательное в нееврейском мире лишено ценности и смысла для нашего народа.

Однако существует еще один аспект тех же отношений. Песах как праздник вновь и вновь подчеркивает идею вечного отчуждения евреев, идею их обособленности, но он же сплавивает детей нашего народа. Спасение «домов сынов Израиля» в момент египетских казней определило водораздел между ними и нееврейским миром, чтобы в Песах каждая еврейская семья смогла принимать живое участие в самом древнем ритуале из тех, которые дошли до наших дней. Все обычаи этого дня подчеркивают внутреннее единство еврейского народа и его противостояние всему миру. Не случайно было сказано про нашего праотца Авраама: «Он - с одной стороны, а весь мир - с другой».

В последнее время в ежемесячном международном еврейском журнале «Алеф» появились интервью с членами нашей общины: Натальей Гуль, Гарри Лакот, Марком Буркинзим, Дмитрием Цвибелем, Семеном Бекенштейном, Софьей Лойтер, Залманом Кауфманом, Натальей Липниной, Давидом Гензелевым - это самое большое количество публикаций о представителях одного народа в журнале. Инициатор этого проекта - Наталья Лайдинен. Представляем Вашему вниманию интервью с главным редактором журнала.

Лариса Токарь: «Спешите творить добро!»

Еще относительно недавно - несколько десятилетий назад, журналистика считалась сугубо мужской профессией, во главе большинства изданий стояли мужчины. Сегодня ситуация изменилась, женщины не только блестяще пишут, готовят материалы для СМИ, но и не боятся вставить у руля серьезные издания, в том числе - международных.

Судьба Ларисы Токарь не совсем обычна. Она получила высшее техническое образование, несколько лет поработала по специальности, защитила кандидатскую диссертацию. Но юношеская мечта о журналистике взяла верх. Лариса не побоялась крутых поворотов судьбы, решила начать профессиональную жизнь с нуля, стала обучаться премудростям газетного и журнального дела на практике. Сегодня она возглавляет старейший Международный еврейский журнал на русском языке под названием «Алеф» («алеф» - первая буква алфавита на иврите).

Помимо журналистики, эта энергичная женщина увлекается спортом, ведет насыщенную общественную жизнь и заботится о большой семье - ведь недавно она стала прабабушкой! О том, как найти себя и свою дорогу в жизни, успевать трудиться, любить, развиваться мы поговорили с Ларисой Токарь.

- Лариса, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье. Вы выросли в любви?

- Я родилась в простой, но богатой, интеллигентной еврейской семье. У меня было счастливое детство: родители, бабушка, старшая сестра с первых дней окружали меня заботой и любовью. Богатство никогда не являлось приоритетом в семье, зато много внимания уделялось образованию, мама с папой стремились вложить в детей лучшее.

Мои журналистские гены - от папы, его звали Лазарь Фактурович. До войны он работал журналистом на радио, много бывал в командировках, готовил материалы о металлургии. Когда началась Великая Отечественная война, он отвез мою будущую маму Евгению Абрамовну в эвакуацию в Уфу, а сам ушел добровольцем на фронт. Отец храбро воевал, был ранен, контужен, был награжден, в том числе - орденом Красной Звезды, который хранится в нашей семье как драгоценная реликвия. После войны папа получил экономическое образование и работал в Госплане. С высоты своих лет могу признаться, что именно отец повлиял на формирование моего характера и дальнейшую судьбу.

- Как начинался Ваш профессиональный путь?

- В первой строке моей трудовой книжки значится такой род занятий: «монтажница третьего разряда на «Мосфильме». Когда я окончила школу в эпоху «хрущевской оттепели», нам дополнительно к аттестату было предложено приобрести рабочую специальность. Меня определили в монтажный цех на киностудию «Мосфильм», там я проработала три года. Первая картина, над которой я была помощницей монтажера Людмилы Фейгиновой, называлась «Иваново детство». Ее снимал гениальный режиссер Андрей Тарковский. Это картину я без преувеличений знала наизусть, по кадрам. Монтаж фильма, творческие поиски, споры - все это происходило на моих глазах.

То счастливейшее время вспоминаю с необыкновенным теплом. У нас и в школе существовал кружок «Юнфильм», мы все увлекались кинематографом. На Мосфильме нам разрешали присутствовать на съемках. Там же проводили закрытые показы знаменитых итальянских кинолент. Мы, в то время школьники старших классов, проходившие практику на киностудию, мечтали попасть на эти показы. Приходили задолго до начала и прятались за шторами. А когда в зале гас свет и начинался фильм, тихонько вылезали и, зажав дыхание, смотрели на экран. Это был совсем другой, невведомый для нас мир - бывало, нас обнаруживали и выпроваживали из зала, но чаще нам везло.

Второй картиной, над которой мне довелось поработать помощницей монтажера, стала художественная лента Алексея Сахарова «Комеди» по повести Василия Аксенова, в которой снимались три красавца-мужчины: Василий Лановой, Василий Ливанов и Олег Анофриев. Трудилась всерьез: выходила на смены, помогала на озвучании, порой и в ночные смены. Так что ощутила на себе все трудности и прелести кинематографической жизни, они оставили неизгладимый след на всю жизнь. После окончания школы с серебряной медалью, естественно, собралась на киноведческий факультет во ВГИК. Папа отговорил: с «пятым» пунктом и поступать, и найти потом работу и вправду было бы непросто. Так что он посоветовал мне приобрести сначала «нормальную» специальность, которая в будущем поможет прокормить себя и обеспечить семью.

Так мы с подружкой Людмилой поступили в Московский институт стали и сплавов, закончили обе с отличием. Моя специальность по диплому называлась «физика полупроводников», поэтому с трудоустройством тоже возникли проблемы: в то время на оборонных заводах евреев предпочитали не брать. Как обладательница красного диплома при распределении я имела право выбора, пришла в отдел кадров одного из таких заводов, там посмотрели мои документы, и выяснилось, что на предприятии, где я хотела работать, неожиданно не оказалось вакансий...

Но я убеждена, если человек чего-то хочет, даже в безвыходной ситуации, он может этого добиться. Устроилась на работу в институт «Гинцветмет», заниматься технологией добычи и производства цветных металлов. Потом поехала работать на Норильский горно-металлургический комбинат имени А. П. Завенягина. Так я проработала на Крайнем Севере пять лет. Там я узнала основы технологии металлургических процессов на практике, на «живом» материале подготовила кандидатскую диссертацию, которую успешно защитила. Так что абсолютно ни о чем не жалею.

- А как Вы пришли в журналистику?

- Писать мне хотелось всегда, с самого детства, видно это было моим настоящим призванием. Работая на севере, я готовила материалы, инструкции, даже вместе с соавторами мы написали книгу по металлургии благородных металлов.

В годы перестройки мой сын с семьей уехал в Израиль. Дочь отправилась туда же на учебу по школьной программе, там овладела ивритом и английским. Я вдруг поняла, что дети выросли, и я могу, наконец, заняться тем, о чем втайне давно мечтала - журналистикой.

К моему удивлению, дело пошло на лад, статьи стали публиковать в разных изданиях. Меня приняли в Союз журналистов Москвы, а потом и России. Особенно много я работала в еврейской прессе, так как именно в этот период задумалась о корнях семьи. Стала ответственным секретарем одной из еврейских газет, а в 2000 году мне неожиданно предложили должность главного редактора Международного журнала «Алеф». После некоторых колебаний согласилась, хотя некоторые коллеги-мужчины завидовали, подкалывали, думали, что я не справлюсь. Сегодня могу сказать, что издавать журнал - это сложная твор-

ческая ответственная работа. Но когда такая работа тебе по душе - это счастье.

- А у Вас в семье было еврейское воспитание?

- Нет, в советское время от любви знаний и традиций нас, детей, старались уберечь. Папа переживал за наше будущее, даже сменил в паспорте свое настоящее имя Лейзер на более привычное всем «Лазарь». Я никогда не скрывала свою национальность, не стыдилась ее, если меня или подругу дразнили во дворе, мы отвечали, как могли - вплоть до драки. А вот обе мои бабушки соблюдали шabat. Но ничего нам не объясняли. Так что мой путь к истокам начался уже в вполне зрелом возрасте.

- На Ваш взгляд, женщина, соблюдающая традиции, сильно отличается от светской женщины своим мировоззрением?

- Иудаизм - толерантная религия, она не требует больше того, что человек готов на себя взять. Я соблюдаю субботу, зажигаю свечи, читаю Тору. Это мне доставляет подлинную радость. Мне кажется, женщина, далекая от традиции и веры, позволяет порой такие формы поведения, которые религиозная женщина допустить не может. Но важно помнить, общечеловеческие ценности - у всех одни и те же, именно они нас объединяют. Поэтому важно оставаться людьми, вести себя порядочно в глубинном смысле этого слова.

- Как Вы относитесь к художественной литературе, чтению? У Вас есть любимые книги?

- В школе литература была самым главным для меня предметом. Читала я всегда очень много, например, одна из класса «осилила» полное собрание сочинений А.М. Горького, потом - Л.Н.Толстого. Читала не только по программе, но гораздо больше. Любила писать сочинения. Позже появились «самиздатские» книги, которые тоже проглатывались запоем. Мой любимый писатель - А.П. Чехов, многие его произведения буквально знаю наизусть.

С огромным уважением отношусь к творчеству Аркадия Вайнера, его книга «Евангелие от палача» произвела в свое время на меня колоссальное впечатление. Одно из первых журналистских интервью я сделала именно с Вайнером. И тогда еще раз поняла преимущества нашей профессии, ведь прежде о встрече с таким знаменитым писателем и потрясающим человеком я могла только мечтать.

Сегодня много читаю периодику, особенно журнальной. Учусь у коллег, нахожу свежие идеи, неожиданные решения. Убеждена, что любое печатное издание должно постоянно меняться, развиваться, иначе оно станет неинтересным читателю.

- Как бы Вы охарактеризовали миссию журнала, которым Вы руководите?

- Я - первая женщина-редактор журнала за 34 года его существования. Владелицы «Алефа» - замечательные люди, еврей-хасиды родом из Самарканды. Они в советское время подпольно, несмотря на все запреты, старались жить настоящей еврейской жизнью. Это было опасно, грозил репрессиями, тюремным сроком, даже смертью. Инициатор создания «Алефа» и его владелец раввин Гиммель Зальцман, живущий ныне в США, написал книгу «Свет хасидского подполья» о том, как евреи в Самарканде в 1960-1970-е годы самоотверженно берегли и соблюдали еврейские традиции. Такое трепетное отношение владельцев к тематике журнала определило, соответственно, и его лицо, и круг авторов.

Изначально «Алеф» задумывался как издание, объединяющее русскоязычных евреев, живущих в разных странах мира. Я бы сказала, что журнал наш консервативный, но не религиозный, он рассчитан на людей, которые хотят больше узнать об Израиле, о традициях еврейского народа, его замечательных представителях. «Алеф» нацелен на то, чтобы возвращать к истокам веры, пробуждать историческую память. Мы делаем все возможное, чтобы издание было интересным для самого широкого круга русскоязычных читателей, которые живут не только в России и Израиле, но в США, многих других странах мира. Не менее замечательны и сложившийся годами круг наших авторов. У их ценю, уважаю и называю «алмазным мой венец», так как каждый из них - яркая индивидуальность.

- Какие человеческие качества помогают Вам преодолевать жизненные трудности, всегда оставаться яркой энергичной женщиной?

- Мой отец был неисправимым оптимистом, я унаследовала это его качество. По молодости была хохотушкой. С годами, надеюсь, стала немножко мудрее и спокойнее. В моей судьбе было и есть много хорошего, позитивного. Мой девиз сегодня: «Спешите творить добро!» Я тороплюсь помочь конкретным людям, если это в моих силах. Важно не откладывать такое участие, иначе может быть слишком поздно. Помогать людям, и я уверена в этом, надо постоянно и конечно бескорыстно. Именно это дает мне силы двигаться вперед.

- Какую роль семья сейчас играет в Вашей жизни?

- В моей жизни была любовь окрыляющая, которая вдохновляла, поднимала. Я даже писала стихи... Но потом поняла, что зачастую мы рисуем в воображении своих героев, а в жизни они совсем иные. На мой взгляд, для женщины семья - это самое главное. Я счастлива: у меня двое детей, шесть внуков и один правнук, всех очень люблю. Сожалю только о том, что сама родила только двоих детей. Сейчас я знакома со многими прекрасными семьями, в которых по восемь и больше малышей. Знала бы по молодости, вышла бы замуж за раввина. Вот оно - счастье!

К внукам особое, трепетное отношение. Таю от их улыбок, объятий, поцелуев. Грущу, что не могу часто навещать родных, поскольку семья разбросана по миру. Мне хотелось бы, чтобы внуки росли такими же честными, открытыми, порядочными, какими были мои родители. Мечтаю, чтобы они не гнались за призрачными успехами, которые нередко оборачиваются разочарованиями, были здоровы, успешны, отзывчивы, находили свой путь в жизни. Молюсь за родных каждое утро и каждый вечер.

Отрывки из былого

Мое детство в оккупированном Житомире (1941-1943гг.)

Свидетельство

Я, Сийки Маргарита Моисеевна, родилась 27 июля 1937 года в городе Житомире (Украина). Мой отец, Кундыш Моисей Израилевич, кадровый военный, пропал без вести во время советско-финляндской войны (1939-1940гг.).

К началу отечественной войны мы: моя мама Ольга Андреевна, я и сестра Ала, родившаяся в марте 1940 г., проживали в военном городке Богуня, пригороде Житомира. При вторжении в начале июля 1941 года немцы не бомбили весь город, в котором собирались оставаться надолго, а только основные военные объекты: танковый завод, аэродромы и военный городок Богуня, в котором мы проживали. Население городка, и мы в том числе, кинулись спасаться в город, где, по слухам, была организована эвакуация.

Помню, как мы шли-бредли в огромной толпе по трассе Богуня-Житомир. Мама держала на руках маленькую Аллу и сумку, как видно с документами и едой. Я шла сама по себе, ориентируясь на маму, но неожиданно наткнулась на нечто новое и непонятное для моего еще небольшого жизненного опыта. И этот момент остался у меня в памяти навсегда. На дороге лежал на спине мужчина, лежал неподвижно. Я остановилась и стала его рассматривать, потрогала ранку на виске, откуда сочилась кровь. Это первое столкновение с жестокой действительностью. Мама вовремя остановилась, заметила мое отсутствие, вернулась и уже повела меня за руку. Наконец, мы добрались до города, где жила моя бабушка по материнской линии Цыбульская Евгения Петровна, и отсюда планировалась наша эвакуация. Но у бабушки (как видно, от напряжения на нервной почве) случился приступ ишиаса, и мама не решилась оставить ее в таком состоянии. Помню, как мама металась по квартире, вполголоса рассуждая, что оставить ее на попечение соседки невозможно, так как неизвестно, сколько времени будут здесь немцы, и мы остались. Поезд ушел без нас. Как оказалось потом, что это был не худший вариант для нас, так как по дошедшим до нас слухам, от вернувшихся обратно в город, немцы разбомбили состав возле города Винницы. Так мы остались у бабушки.

Помню, как немцы входили в город. Все жители нашего двора, которые остались, собрались и примкнули к забору, смотря на дорогу, по которой медленно катились огромные мотоциклы, стояло напряженное молчание. Весь период оккупации я провела при бабушке одна, так как началась отправка населения, в основном молодого, на работы в Германию, и мама, опасаясь, что эта участь постигнет и ее, стала искать выход из опасной для нее ситуации. Удалось договориться с бабушкиной сестрой, живущей на хуторе, что та приютит нас, но исходя из материальной возможности, она согласилась взять маму только с одним ребенком. Мама оставила при себе младшую сестру, которой было тогда около полутора лет. Когда немцы заезжали и на хутор, мама отсиживалась в погребе. Я войну пережила в компании с бабушкой. Наши соседи, окружавшие бабушку, знали ее с молодых лет, росли все вместе с детства, и, как видно, никому в голову не пришла мысль довести до сведения соответствующих органов немецкой армии, что бабушкин зять еврей, и она опекает его дочку. Естественно, что это мысли и расхождения не ребенка, а человека, вошедшего в более зрелый возраст.

Как мы выживали? Возле дома был огород, и главное: бабушка была портнихой, довольно известной в городе. Все это и дало возможность выжить. Дворы города заполняют немцы. Рядом с нашим домом (в те времена это были одноэтажные оштукатуренные снаружи, небольшие из нескольких квартир дома, окна со ставнями), стоял танк, а с другой стороны временами немецкая походная кухня. Туалетов в домах в те времена не было. На наш двор, 18 квартир в четырех домах, приходился один деревянный, рядом с которым была одна помойка. Поэтому, приходилось совершать прогулки мимо опасных объектов.

Есть жизненные ситуации, когда спасает не наличие опыта, а его отсутствие. Так и получилось со мной. Во дворе обитала собака Каро - маленькая, белая, в пятнышках. Я ее считала своей. Вот такая история: к нам во двор затесался немец, странного вида, но Каро, учуяв неладное, кидалась на него, а я в виду отсутствия жизненного опыта (уже такой возраст), с каким-то недоумением разглядывала его необычные телодвижения: он изгибался, изворачивался на полусогнутых ногах. Окажется, он пытался вытащить из кобуры пистолет, но так как он был очень пьян, то сцена была весьма напряженной. Каро была убита на моих глазах. Вот меня спасло непонимание ситуации, так как я бы кинулась ее защищать, и трудно предвидеть, чем бы это все завершилось.

Но, как видно, бабушка стала продумывать технику безопасности для моей особы, то есть, чем бы меня занять и привязать к определенному месту и нашла вариант. По воспоминаниям родственников, я к этому времени уже умела читать и бабушка решила использовать это увлечение в целях моей безопасности. Она, как я упоминала, была известной портнихой (училась шитью с 11 лет в мастерских) и в это трудное время использовала свое умение, шила, в основном перешивала одежду девушкам, женщинам, флиртующим с немцами.

Чтобы ограничить мои рискованные передвижения, она перевела меня на чтение, а добытчиком книг стала она. На рынок интеллектуальные, дореволюционные старушки выносили книги в обмен на еду. Бабушка строчила на «зингеровской» швейной машинке изделия для девушек, желающих быть привлекательными при любых ситуациях. Те расплачивались продуктами, которым и с ними, как видно, расплачивалась немецкая армия, и жизнь продолжалась. Книжки были дореволюционного выпуска, особенно часто встречались произведения известной в те времена писательницы Чарской. И я зарылась в чтение этих книг, не выходя из под зоркого бабушкиного наблюдения. Каждый из нас параллельно вел свою деятельность. Но я пропустила в своем детстве детские книжки, игрушки, куклы.

Когда что-то пропускаешь, то чаще всего эта ниша заполняется потом. И позже я, будучи взрослым человеком, конкурировала с сыном и внуками в подборе чтения детской литературы. И игрушки в настоящее время участвуют в оформлении моей квартиры.

И запомнилось мне нечто новое и необычное в жизни оккупированного города: колонны людей, большинство из них, что бросались в глаза, еле передвигались, так как или были изнурены, или ранены. Судя по репликам взрослых, находящихся рядом, это были военнопленные. И еще был и колонны людей, о которых полупешотом говорили - это евреи. Все эти колонны шли мимо нашего дома, так как окна выходили на эту дорогу. Так бывало, что если кто-то падал и не мог подняться, раздавался выстрел. Бабушка приняла меры: завесила окна чем-то тяжелым, непрозрачным, чтобы оградить меня от жутковатых зрелищ.

И одно яркое воспоминание, которое в то время оставалось для меня непонятным.

В нашей квартире проживали какое-то время два немецких офицера, в основном они приходили только на ночлег, и внешне были очень контрастными - черноволосый и рыжий. И вот перед Новым Годом у них было сборище. Как я теперь думаю, они отмечали рождение. Бабушка что-то готовила из продуктов, принесенных ими заранее. И вот, как видно после угощения, время от времени и каждый из гостей (офицеров) проходил через нашу комнату на выход. Бросались в глаза их обильные слезы лица, что мне, ребенку, казалось удивительным. А слова каждым произносились такие: «Сталинград... Гитлер капут...» Хотя в те времена мне это было непонятно, но врзалось в память, так как была в них непередаваемая боль и горечь. Да и мне, ребенку, были удивительны слезы у взрослых людей, тем более в мундирах.

И еще одно яркое воспоминание. На стороне, противоположной нашей у дому, немного по диагонали от него, стоял добротный, из красного кирпича, дом в несколько этажей, построенный, возможно, в дореволюционное время. Когда, во имя спасения нас и нашего города от немецкого плена, начались бомбежки (это уже было в конце 1943г.), мы с другими соседями и дружно кидались под защиту его массивных стен, и к тому же там был еще и большой подвал. В настоящее время от дома остались только массивные красные кирпичные стены, обнесенные заборчиком с надписью «Продается».

История вот такая была: сидим мы в укрытии, я с бабушкой среди многочисленных его жильцов и нашедших в нем защиту других со-

седей, и вдруг крики: «Смотрите, смотрите - на небе метла!» Народ, естественно, выскочил из укрытия поглазеть на это чудо, и мы с бабушкой тоже - как же без нас. На небе из облаков что-то сложилось в виде метлы: длинное древко, а на нем та часть, которой подметают, наводя порядок. Народ из нашего дома и из других заполнил весь двор. Все (как я помню) пальцами показывали на эту символическую метлу - в ней и хотели видеть ту метлу, которой вот-вот выметут врагов и освободят город для более спокойной жизни.

Вот так прошел кусочек моей детской жизни в этой военной обстановке, и началась новая эпоха.

Маргарита Сийки

27 нисана (16 апреля) в 12.00 на старом еврейском кладбище состоится траурная церемония, посвященная памяти ЙОМ на-ШОА

Ресурсный центр еврейского образования 21 и 22 марта провел VI ежегодную конференцию «Бама» - «Ешь, учи, люби» на базе благотворительного центра «Хэсэд Авраам», генеральными партнерами которого, выступили Еврейское агентство Сохнут в СПб и Региональный еврейский конгресс СПб. Программа была составлена так, чтобы охватить все возрастные категории от 3 до 120 лет. На выбор были предложены очень много лекций и занятий: «Иешуда Амихай: советы для любви» и «Ман Рей и его обнаженные» Юлии Патраковой; «К чему приводит «Личная жизнь?»» Дмитрия Файермана; «Мой символ любви - не сердце» Леонида Розенгауза; тренинг «Можно ли полюбить звучание своего голоса?» Инны Ароновой; «Учись... чтобы любить» раввина Елены Рубинштейн; «Особым детям - особая любовь» Павла Милославина и многое, многое другое. Нетрудно заметить, что все было подчинено главной теме - любви. Как всегда на подобных мероприятиях неформального образования царил атмосфера творчества и доброжелательности, а встречи с давними друзьями и обмен информацией с «мест» из первых уст делают такие семинары просто необходимыми. Нашу общину представляли Людмила Гринберг и Дмитрий Цвибель.

«Я хотела бы жить у озера...» - эта строчка из стихотворения Натальи Лайдинен стала названием творческой встречи с поэтом, журналистом, педагогом, прошедшей в Национальной библиотеке Республики Карелия в рамках Года литературы в России. Наталья Лайдинен - автор четырех поэтических книг, нескольких прозаических произведений, множества интервью и статей, опубликованных в журналах «Работница», «Алеф», американской прессе и др. Наталья давно уже сотрудничает с нашей общиной, публикуя в «Общинном вестнике» материалы о евреях Петрозаводска. На вечер прозвучали стихи в прекрасном авторском исполнении, посвященные любви, Карелии, размышления о смысле жизни, месте человека в этом несовершенном мире. Были показаны видеоролики с песнями на стихи Натальи Лайдинен. Особое место в творчестве поэтессы занимают темы Израиля и Холокоста. На вечер была представлена новая брошюра, выпущенная нашей общиной, - «Свет исцеления», представляющая собой интервью с известными врачами Карелии, записанные Натальей Лайдинен. Присутствующие тепло поблагодарили автора за удивительный вечер.

5 ияра (23 апреля) День Независимости Государства Израиль (יוֹם הַעֲצִמָאוֹת , Йом ха-Ацмаут)

МЫ ЕСТЬ СЫНЫ НАШИХ ОTCОВ:
СЫНЫ, А НЕ ГРОБЫ

Леви-Ицхок

Еврейская община поздравляет с Девяностолетием

КУРТИШ МИННУ ФАЙТЕЛЕВНУ

- активного члена общины, желает ей здоровья,
бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

**БЫЧКОВСКУЮ Раису Ароновну
ВАРАКСА Генриетту Григорьевну
ГЕНДЕЛЬ Александру Алексеевну
КУРТИШ Минну Файтелевну
СЕЛЮЦКУЮ Долли Наумовну
ЧЕБОТАРЕВА Валерия Петровича**

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Кугл из мацы

(используется как самостоятельное блюдо,
или в тонко нарезанном виде, как подложка к бутербродам)

8 квадратных мацот, три яйца, 1/2 ч. ложки соли, шкварки по вкусу - чем больше, тем сочнее кугл

Мацу крошить на кусочки средней величины. Залить крутым кипятком, можно бульоном. Жидкость должна впитаться так, чтобы маца «отпарилась», избыток жидкости слить через дуршлаг. В образовавшуюся массу вбить яйца, добавить шкварки, соль, тщательно размешать. Вылить массу в разогретую в духовке форму, предварительно смазанную растительным маслом или маргарином парве. Выпекать в духовке примерно 30-40 минут при средней температуре.

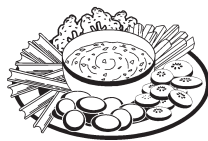
Ореховый торт

10 белков, 2 ст. молотого фундука, 1/2 ст. кокосового масла, 2 ст. сахара, 2 ч.л. рома (по желанию), 5 ст. л. какао

Взбейте белки. После того, как белки взбьются, постепенно начинайте добавлять сахар, затем орехи, ром, масло и какао. Разделите тесто на 2 части и разлейте в две формы. Выпекать при 160 градусах около часа. Этот пирог получается очень тонкий, но при этом очень вкусный!

Крем: 10 желтков, 2 чл ванильного сахара, 2 ч. сахара
Взбейте желтки, сахар и ваниль. Варите на водяной бане около 50 мин, а затем хорошо перемешайте и охладите. Возьмите 1 ч. торта, покройте кремом. 2-ю часть положите наверх и покройте оставшимся кремом. Поставьте в холодильник.

Наша кухня

Куриные ножки с апельсинами и черносливом

2 стакана красного вина, 0,5 стакана апельсинового сока, 2 палочки кинамона, 2 зернышка гвоздики, 1 ложка муската, 1 апельсин, порезанный тонкими дольками, 12 куриных ножек, 3 большие луковицы, порезанные кольцами, 2 стакана чернослива без косточек, 5-6 горошин английского перца, соль и перец по вкусу, 1 ложка приправы для курицы в гриле, 1 ложка меда

Перемешиваем в миске вино, апельсиновый сок, кинamon, гвоздику, мускат и кусочки апельсина оставляем ножки в маринаде на два часа смазываем глубокий противень и укладываем на дно кольца лука, на лук кладем мясо, чернослив и поливаем маринадом. Добавляем соль, перец и приправы, накрываем алюминиевой бумагой и ставим в разогретую до 250 градусов духовку на 40 мин. снимаем бумагу, поливаем медом и ставим обратно в духовку на 170 градусов на 15 мин.

Приятного аппетита!